

Шевелёва Елена

КОСТИК БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ТРЕПЛЕВ

Елена Шевелёва

Костик без пяти минут Треплев

«Автор»

2025

Шевелёва Е.

Костик без пяти минут Треплев / Е. Шевелёва — «Автор», 2025

Сборник рассказов о чудаковатом и неизвестном актёре Костике, которому выпадает единственный шанс сыграть главную роль в пьесе А. П. Чехова «Чайка» Константина Треплева. Читатель попадёт на съёмочную площадку, театральное закулирье, где и познакомится с недотепой Костиком.

© Шевелёва Е., 2025

© Автор, 2025

Елена Шевелёва

Костик без пяти минут Треплев

«Родные места»

Как Костик оказался в Москве и даже стал актёром? Долгая история, с детства ещё тянется. Единственный, о ком хорошо отзывался отец Костика, был старик по соседству, который переехал из города в посёлок смерть встречать. Один, говорят, совсем был – всех похоронил. Так вот, у него была настоящая библиотека и полный дом сломанных часов. В посёлке будильник не в каждом доме. Петух и солнце – вот и весь будильник, а про книги и говорить нечего.

Посёлок был полузаброшен, и автобус не заезжал, а до школы – три километра через лес в село соседнее. Костик с ребятами частенько застревали на полдороге, до школы не доходили. Отец прознал и вместо школы приволок к старику.

Каждое утро Костик приходил к нему и брался за уроки. Дверь в доме была нараспашку, а старик изо дня в день сидел за столом. Поначалу Костик не знал, ходит ли он. Они проводили время в тишине, изредка поглядывая друг на друга. Костик не заговаривал, боялся старика – больно усохший он был, дышал тяжело, да и часы повсюду. Да и не часы вовсе, а гора мусора. Странный человек... Но надо сказать, раз в час в отдалённой комнате была переключка боем – видимо, знал своё дело.

Костик не выдержал молчания и обнаружил, что старик не только странный, но и разговорчивый. Из его головы не выходило сравнение с пиратом. Прищур, сиплый голос, паузы – он будто подкрадывался к финалу истории. И к повествованию подходил обстоятельно, приправляя мелочами. Костик мог поклясться, что старик готовился к их встречам. А по окончании своего рассказа старик искал очередную книгу в подтверждение своих слов. Водил пальцем по пыльной полке и торжественно вручал книгу Костику. Тот проглатывал её за пару дней, и ритуал повторялся. Именно так Костик полюбил слушать и читать.

По выходным самое интересное он пересказывал Ленке и Витьке – своим школьным друзьям – и втихаря таскал для них книги. Витька, правда, увиливал, утверждая, что лучше воспринимает на слух, хотя сам с трудом читал по слогам.

Однажды старик дал томик стихов. Костик ничего не понял – слишком всё было неопределённо, витиевато. Старик объяснил и смысл, и принцип построения, но всё равно Костик посчитал поэзию бесполезной тратой сил. К чему морочить голову, когда можно сказать просто? А вот Ленке стихи понравились – он всегда был не от мира сего. На следующий же день приволок своё сочинение, и Костик с Витькой катались со смеху. Конечно, он обиделся, но писать не бросил. Камнем преткновения стала рифма, но прирождённого поэта, это вряд ли остановит. Закатывая глаза, Ленка твердил, что это новое слово в поэзии и не стоит загонять себя в рамки.

Случайно захватив сборник хокку, Костик открыл новую страницу в творчестве Ленки. В тонкости написания странных стихов тот не вдавался. Но усвоил два правила: никакой рифмы и краткость – сестра таланта. Для Ленки это было спасение, а для Костика с Витькой – погибель. Они стали его литературными рабами – он писал дни напролёт всё, что могла выдать его голова. В отместку за литературный террор ребята прозвали Ленку японцем. Но он звание посчитал почётным и носил его с гордостью.

Старик посадил семя, и оно проросло. Ребята строили грандиозные планы и горели жизнью. Рисовали карты, пропадали в экспедициях. Нарекли небольшой пригорок Эльбрусом, и какое-то время на вершине красовался флаг.

А когда Костик перешёл в восьмой класс, старик дал ему книгу Эфроса «Репетиция – любовь моя». Сказал: пора думать о будущем. Костик до этого дня с театром был знаком мало. Класс пару раз вывозили в город в театр, но спектакли ему не запомнились. Одноклассники валялись дурака и мешали актёрам.

Дальше он проглотил Товстоногова, Брука и Станиславского, познакомился с Мейерхольдом. Старик оказался ценителем театра и имел хорошую подборку. Он намекнул на поступление в театральный, и Костик был ошеломлён. «Он – актёр?!» Но старик лишь подмигнул. Костик решительно кривлялся перед зеркалом, ища намёк на актёрскую жилку. Он пытался делать упражнения по Станиславскому, но каждый раз удручённо произносил: «Не верю!»

«Надо брать быка за рога», – подумал Костик и решил поставить пьесу. За неимением других кандидатов на роль драматурга был назначен Ленёк – всё-таки литература это его конёк. Себя Костик назначил режиссёром, а Витьке оставалась роль реквизитора и костюмера.

Они долго думали насчёт пьесы и из-за нехватки человеческого ресурса пришли к выводу, что ставить нужно монопьесу. И Ленёк принялся за работу. Он писал дни напролёт, но Костик всё отвергал: «Слишком надуманный герой, тривиально, несовременно». Ленёк забросал Костика вариантами и выдохся. Всё не подходило. Костик задрал планку так высоко, что допрыгнуть до неё казалось невозможным. Тем временем он прочёл «Школу для дураков» Александра Соколова и пребывал под впечатлением. «Эврика!» – он решил взять за основу это произведение. Ленёку оставалось только скомпоновать текст.

Костик стал усердно работать над образом. Но кто такой этот главный герой? Костик пробовал разные манеры, придумывал походку – в общем, погрузился с головой. Ленёк кое-как собрал текст на трёх страницах. Надо сказать, получилось неплохо – нескладно, но неплохо. И Костик принялся репетировать. Начитавшись книг именитых режиссёров, он чувствовал себя уверенно. Уж что-что, а спектакль-то он в силах поставить.

Прошло три недели, и Костик был готов представить своё творение публике. Сделали приглашения и раздали близким. Но главным зрителем был старик. Костик, чувствующий себя на вершине мира, начал волноваться: «Что если?..» Но Витька с Ленёкой уверенно хлопнули его по плечу и расположились в импровизированном зрительном зале. Костик остался один на один с проблемой. Но, взяв себя в руки, он вышел, поклонился, объявил произведение и начал.

Надо сказать, текст, вырванный из контекста, казался абракадаброй: ни завязки, ни сюжетных линий – просто набор монологов. Костика трясло от тишины в зале, все силились хоть что-то понять. Он посылался, перепутал весь текст, смазал финал и под конец чуть не плакал. Но бурные аплодисменты скрасили провал. Костик горевал что есть силы, понимая, что это из жалости. Старик, единственный кто не стал хвалить, сказал, что есть задатки и нужно усердно трудиться. «Актёром просто так не стать», – добавил он. Костик принял этот провал, но спектакли больше не ставил. Он погрузился в мир животных и пытался скопировать их поведение. Он несколько раз перечитал Станиславского, разобрал работу над образом и днём и ночью тренировался. Учил стихи, басню и выбрал несколько монологов к поступлению. Старик согласился помочь, и Костик действительно стал расти. Он вник в поэзию, монологи звучали увереннее. Старик оказался прекрасным учителем.

Подходило время окончания школы. Костик кое-как сдал экзамены и нацелился на поступление в Москве. Оставалась последняя неделя спокойной жизни. Костик собрал чемодан заранее и мыслями уже сидел у ворот ГИТИСа.

Ребята решили отметить отъезд Костика и ушли гулять до самого утра. Они строили грандиозные планы, жгли костёр на берегу реки и готовились расставаться. Ленёк заприметил лодку, как он заключил, бесхозную, и предложил покататься. Идея была так себе, Костик отпирался как мог: «Мало ли кто оставил лодку». Ленёк умолял покататься: «Мы только туда

и обратно, никто не заметит». Ребята сдались под напором Ленки, запрыгнули в лодку и стали отплывать от берега. Не успели они проплыть несколько метров, на пляже появился охотник. Его брань доносилась быстрее, чем он приближался к кромке воды.

Мальчишки совсем перепугались, увидав в руках ружьё. Не зная, что делать, они гребли что есть силы, вместо того чтобы выйти на берег и извиниться. Охотник прицелился, и ребята вповалку легли в лодке. «Не выстрелит», – твердил Ленка. – «Встаём и гребём что есть силы». Костик мысленно прощался с ГИТИСом. Охотник не выстрелил. Ленка крикнул: «Мы только туда и обратно. Честное слово!» Брань охотника усилилась. «Уматываем отсюда», – скомандовал Ленка и погреб что есть силы.

Они были уже далеко от посёлка, когда совсем расцвело. Медленно поплыл туман. Лодка, покачиваясь, плавно вплыла в облако, и к горлу подступил смех. То ли шок прошёл, то ли со стороны это было крайне нелепо. Костик катался со смеху, ещё и лодку раскачивал. Вы бы видели лица ребят – но спустя минуту они гоготали все вместе.

Солнце поднималось всё выше, туман рассеивался, открывая спокойную гладь реки. Мальчишки притихли, каждый погрузился в свои мысли. Костик думал о предстоящей поездке в Москву, о ГИТИСе, о своей мечте.

«Поступление»

Костик вышел на вокзальную площадь. Ничего подобного он никогда не видел. Потoki людей впечатляли. Пытаясь поймать ритм толпы, Костик нырнул в метро. Голова шла кругом: турникеты, эскалаторы – всё пугало и одновременно восхищало. Костик сжимал в руке бумажку с адресом. Кое-как разобравшись, он наконец сел в нужный поезд.

«Ничего, – утешал он себя, – это первые шаги. Доеду, и всё будет хорошо».

Запутавшись в переходах, он прибежал к ГИТИСу с опозданием, но, оглядев толпу поступающих, с облегчением вздохнул. Никого ещё не запустили в институт. Все томились у ворот.

Публика была красочная – от разнообразия закружилась голова. Пёстрые, шумные, все чем-то выделялись. Кто-то повторял текст, кто-то пел под гитару. Все ждали. Костик с этой суматохой вообще забыл о волнении. Он твёрдо помнил текст. Но чем больше он рассматривал других, тем больше ему казалось, что он зауряден.

– Ты первый раз?

Костик оглянулся: странный парень в шляпе присел рядом.

– У тебя взгляд напуганный. Я в четвёртый. Чувствую, в этот раз повезёт.

Костик глубоко вдохнул, пытаясь унять нарастающую тревогу.

Справа парень репетировал стихи Есенина, отбивая ритм ладонью по колену. Рядом девушка проговаривала скороговорки, сбиваясь и начиная сначала.

– Да, в первый, – отозвался наконец Костик.

Каждый здесь казался частью большого яркого спектакля, а Костик чувствовал себя статистом с фразой «кушать подано».

– Я Федя. Не дрейфь, они любят уверенных. Правда, мне в прошлый раз сказали, что я слишком уверен в себе и мне не хватает нерва. Не знаю, им не угодишь.

– Но все такие... – он запнулся, подбирая слово, – необычные. А я просто... обычный. Даже ты в шляпе. Почему, кстати?

– Это мой образ, важности добавляет.

– Думаешь? – Костик сомневался.

– Необычность – это не про яркий наряд или умение спеть под гитару. Это про то, что спрятано внутри. Про то, как ты самую простую фразу наполняешь смыслом. Вот скажи: «Я пришёл».

– Я пришёл... – неуверенно произнёс Костик.

– Нет, не так. Представь, что ты шёл три дня через бурю. Наконец вдалеке увидел свет в окне. И вот ты, измождённый, дома. Попробуй ещё.

Костик закрыл глаза, представил заснеженную дорогу, огоньки в окнах домов. И вдруг слова зазвучали иначе:

– Я пришёл...

Федя кивнул:

– Вот это уже интересно. Видишь? Ты уже не «просто обычный». Ты – человек, который пришёл.

В этот момент вышел молодой человек со списком и начал называть фамилии. Костик наконец осознал: он не один в этом потоке. Каждый – это отдельная вселенная, свои страхи и надежды. И его история тоже имеет право на существование.

Он ещё раз взглянул на бумажку с адресом, аккуратно сложил её и убрал в карман. Теперь это был не просто клочок бумаги – это был его пропуск в новый мир.

– Ну что, – шепнул он сам себе, – пойдём?

И шагнул вперёд – навстречу неизвестности, но уже не с тревогой, а с любопытством.

У аудитории все шептались. Первая счастливая семёрка была напугана до жути. Даже спросить совета не у кого – Федя остался за воротами.

«Я всё знаю, я всё помню», – повторял про себя Костик. «Я человек, который пришёл».

Настало время Кости – он выскочил на сцену. Зачем-то раскланялся и объявил отрывок из «Дяди Вани». Но от волнения начал читать монолог из «Гамлета». Члены комиссии начали переглядываться.

– Молодой человек, вы ничего не перепутали? – сдержанно спросил один из педагогов.

Костик замялся и покраснел:

– А... простите... сейчас... секунду.

Он закрыл глаза, собрался с мыслями – и наконец выдал нужный монолог. К его удивлению, комиссия улыбнулась.

– Хорошо, что не оперную арию затянули, – шутливо заметил другой педагог. – Но за смелость плюс.

Костик вышел из института с ощущением, будто заново родился. Теперь он знал: даже самые нелепые моменты могут стать частью его актёрского пути.

Костик шёл по улице, и каждый шаг отдавался в нём новым, знакомым ощущением – ощущением победы. Не грандиозной, вселенской, но своей, личной. Той, что рождается из преодоления страха. Он сделал это – прошёл первый тур.

Он достал из кармана ту самую бумажку с адресом и внимательно посмотрел на неё. Теперь она не казалась ему просто ориентиром в чужом городе – она стала свидетельством того, что он уже не тот робкий парень, который растерянно озирался на вокзальной площади.

«Я человек, который пришёл», – снова мысленно повторил он и улыбнулся. Навстречу спешили люди – занятые, сосредоточенные, погружённые в свои мысли. А Костик шёл медленно, впитывая каждый момент. Подмечал необычные детали, заглядывал в витрины. Всё казалось ему теперь каким-то особенно ярким, насыщенным, будто мир решил открыться ему с новой стороны.

Он зашёл в маленькое кафе, заказал кофе и сел у окна. Достал блокнот, в котором хранил тексты для поступления, и открыл чистую страницу. Решил записать всё, что сегодня пережил: и страх перед толпой, и разговор с Федей, и нелепую ошибку на сцене, и эту новую, непривычную лёгкость.

«Актёрская профессия – это не только про талант, – вывел он аккуратным почерком. – Это про умение падать и вставать. Про смелость быть смешным. Про право рассказывать свою историю. И моя история только начинается».

За окном темнело, зажигались фонари. Город, ещё утром казавшийся чужим и пугающим, теперь будто обнимал его. Костик допил кофе, закрыл блокнот и поднялся. Впереди ждали новые испытания, но теперь он знал главное: даже если снова ошибётся, он сделает это с лёгкостью. Он вышел на улицу, вдохнул прохладный вечерний воздух и решительно направился в сторону общежития. Завтра – новый день, новые возможности. А сегодня... сегодня можно просто радоваться тому, что он здесь. В этом городе. В этом институте. В этой жизни.

И где-то в глубине души зародилось твёрдое убеждение: всё получится. Потому что он – человек, который пришёл. Навсегда.

«Кря».

В студенческие годы Костику доставались главные роли, но вместе с этим и головная боль. На курс перевелся из другого театрального вуза режиссер, шептали – «будущая звезда». Ставили «Гамлета» Шекспира.

Костик: Быть или не быть...

Студент – режиссер: Не точно! Не умирает Вы так! Вы же еще решение не приняли.

Костик: Мы третий час бьемся над одной фразой! Я уже одной ногой в могиле.

Студент-режиссер: Да вы поймите, Гамлет стоит перед выбором.

Костик: Так что Вы хотите? Сомнения?

Студент-режиссер: Нет.

Костик: Отчаяние?

Студент-режиссер: Нет.

Костик: Решимость?!

Студент-режиссер: Нет! Вы мыслите шаблонно!

Костик: Я вообще уже не мыслю.

Студент-режиссер: Оно и слышно.

Костик: Так... спокойствие... «Бодры» надо говорить бодрее. А «веселы» как? – Веселее!

Студент-режиссер: Правильно, веселее!

Костик: Вы что, хотите, чтобы я монолог Гамлета читал веселее?

Студент-режиссер: Энергичнее!

Костик: Ах! Это энергичный танец...

Студент-режиссер: Что?

Костик: Быть или не быть говорю!

Студент-режиссер: Вот именно – быть!

Костик: Ну или не быть.

Студент-режиссер: Или не быть! Бог открывает вам два пути. Направо пойти, налево пойти!

Костик: И тихо с ума сойти.

Студент-режиссер: Что? Не тишите там!

Костик: Быть или не Быть!

Студент-режиссер: Точнее!

Костик: Быть или не Быть!

Студент-режиссер: Еще точнее!

Костик: Куда точнее? Мне бы знать, как именно точнее!

Студент-режиссер: Просто точнее. Что тут не понятного? Даже ребенку понятно! «Точнее» – значит точнее! Точно – значит в цель!

Костик: Хорошо. Есть целью. Давайте разберемся.

Студент-режиссер: Нет цели! Он бесцельно говорит. В этом и смысл – говорить бесцельно!

Костик: Значит, цель – бесцельно говорить?

Студент-режиссер: Цель – говорить точнее!

Повисла пауза.

Студент-режиссер: Ну что Вы там отвлеклись?

Костик: Да утка крякает?

Студент-режиссер: Что?

Костик: Крякает, говорю, утка. Кря-кря...

Студент-режиссер: Где? Не слышу. Кто-нибудь слышит? Никто, кроме вас, не слышит!

Костик: Никто не слышит... Крякает у меня в голове!

Студент-режиссер: Что Вы чушь несете?

Костик: Кря-кря... так протяжно.

Студент-режиссер: А это интересно. И что конкретно крякает?

Костик: Не быть – крякает.

Студент-режиссер: А почему?

Костик: Не уточняет.

Студент-режиссер: Дальше давайте!

Костик: Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Студент-режиссер: Вопросительнее.

Костик: Вот в чем вопрос.

Студент-режиссер: Глубже.

Костик: Вот в чем вопрос.

Студент-режиссер: Тоньше.

Костик: Вот в чем вопрос.

Студент-режиссер: Не понятно. Вы вот вопрос задаете, а сами как будто уже ответ знаете. А вы должны знать и не знать одновременно!

Костик молча уставился в зал.

Студент-режиссер: Вы меня поняли?

Костик: Понял и не понял. Одновременно!

Студент-режиссер: Перерыв! – скомандовал студент-режиссер и направился к выходу утиной походкой. Со спины он походил на упитанного селезня. – Офелию позовите, – крякнул он у выхода.

Костик вышел на лестницу, там уже курил друг Сережа.

Сережа: Ты это... терпи. Может, он чей-то внук, племянник... А в кино не зовут?

Костик: Тишина. Пора грузчиком идти.

Сережа: По карьерной лестнице решил подняться? Брось это, нам нельзя. Куда ты без театра?

Костик: Куда угодно. От меня толку правда... только, что монологи на стройке читать. Для поднятия боевого настроения. Ни профессии, ни стабильности. Как мне это все осточертело. А мы ведь даже институт не кончили.

Мимо проплыла Офелия.

Костик: Офелия, присядь. Слышала?

Офелия: Да весь институт уже слышал, Мусик. По тонкому льду ходишь. Терпи.

Костик: Да хоть бы в морду дал или с роли снял. Не могу уже. Каждый день одно и то же. Ни одного человеческого объяснения. Ни разбора, ни идей. Долбит свое: «Точнее!». А куда точнее?!

Офелия: Крепкий орешек нам попался, но пустоголовый. Играй в свое удовольствие. Кивай на все замечания, соглашайся, а потом играй как хочешь. Я всегда так делаю.

Костик отряхнул брюки от пепла и точнее некуда процитировал:

«Так всех нас в трусов превращает мысль,

И вянет, как цветок, решимость наша

В бесплодье умственного тупика,

Так погибают замыслы с размахом,

В начале обещавшие успех,

От долгих отлагательств. Но довольно!»

Костик уставился в одну точку. Повисла пауза.

Костик: Помянем Гамлета и мой здравый смысл в стенах нашего института. Жаль... Спектакль будет провальным. Офелия! О, нимфа! Помяни мои грехи в молитве. Допивай и дуй на сцену.

«Забытый театр...»

Еще учась в ГИТИСе, мастер посоветовал посетить этот небольшой театр. Слухи по институту ходили разные: секта, не спектакли, а сериал какой-то, гениально – и ещё много шелухи. Костик уснул через 15 минут после начала спектакля. Ему было чуждо все: манера игры, декорации, темп. И после, на обсуждении с мастером, он уверенно заявил, что не разглядел искусства.

Мастер настоятельно посоветовал прийти повторно и на этот раз посмотреть «Чайку» А.П. Чехова. И вновь все было странным, но сам Чехов звучал уверенно, точно. Атмосфера была передана великолепно. Костик колебался, но все же пересмотрел все спектакли. В какой-то момент он привык к игре и темпу, начал видеть красоту в декорациях, недосказанность, полет мысли. Но все еще был насторожен.

Спектакли были в чем-то похожи, просматривался стиль – необычный, специфический. Персонажи Чехова неожиданно появлялись в других произведениях. Шекспир, Достоевский – все они соседствовали невероятным образом. Тяга Режиссера к Чехову была заметна невооруженным взглядом. «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» стояли в репертуаре. Чехов был утонченным, светлым. Сквозило свободой и тоской.

Некоторые спектакли не поддавались анализу, и были похожи на выдумку, метафору, прикосновение... Костик начал вникать, но было слишком много символизма, личного. Он уловил юмор и принял его. Попытался отыскать интервью Режиссёра и, прочитав то небольшое, что было опубликовано за долгое руководство театром, схватился за голову. Тёмный лес, дебри, ни одного прямого ответа.

«Что же это за место?» – твердил он про себя, возвращаясь к словам из интервью. К окончанию института он хотел попасть именно в этот театр. Ни о чем другом не думая, он почти бредил этой идеей. Прodelать это можно было, только высидев на репетициях, прослушиваний не было. Он уверенно заявил Режиссёру на встрече, что создан для этого театра, и его ничего не отпугнет, и получил разрешение присутствовать на выпуске спектакля.

Режиссер передал Косте две книги и сказал, что так он лучше поймёт их язык. Костик взялся за неизвестную ему философию и, не осилив одной трети, закрыл книгу с мыслью, что автор болен манией величия. Вторая книга оказалась почти брошюрой, в ней математически объяснялось присутствие и течение в человеке энергии. Схемы и формулы были близки Кости, в школе он наслаждался математикой. Поэтому, проглотив брошюру в три счета, он подвёл итог: «Господь с Вами, верьте во что угодно, вполне доказательно, но не доказуемо». Его больше интересовали спектакли, система игры, а не теория, тем более столь необычная. Не понимая ни единого слова, он полгода просидел в темном зале. Ему казался непостижимым язык Режиссера. Он вообще начал сомневаться, что его кто-то понимает. Странная система игры. Ни Станиславский, ни Мейерхольд, ни Михаил Чехов в чистом виде.

Он делал упражнения принятые в этом театре, иногда по три часа. По большей части просто молчал со всеми. Нужно было сосредоточиться на своих мыслях и отслеживать их, но мыслей не было. Иногда в упражнении держали внимание на разных частях тела. С этим Костя хоть как-то справлялся, но все равно не находил никакой пользы. Внимание для актера необходимо как воздух, но Костя не нуждался в тренировках, он прекрасно справлялся и так. Однажды сказали, что теперь мы держим «вертикаль», а на другом конце – Бог. Здесь все низменное, разрывающее нас множество пустого, а потому ненужное. Ну, если вкратце. Костик приготовился, но не выходило.

– Ты держишь вертикаль? – Шепнул он рядом сидевшему Саше.

– Придерживаю, – тот всегда был немногословен, но точен.

Костик расслабился и решил вообразить разговор с Богом. Поведать ему свои печали – это казалось гораздо эффективнее. Зачем думать о том, что он есть, и не воспользоваться? Разговор получился содержательным.

Ввели новое упражнение. Суть была – произносить мысли вслух и следить за своей реакцией. Надо сказать, что часть театра беспрекословно выполняла задания и с преклонением относилась ко всем нововведениям. Остальная часть выносила это как могла. Но были и свободолобивые, легкомыслящие люди. В торжественной тишине мыслительный процесс приобретал курьезные оттенки. И когда очередь дошла до Авроры, она на полном серьезе произнесла «крокодил». Костик чуть не прыснул – это было очень на неё похоже. Он даже не сомневался, что это абсолютная правда. О чем ещё можно думать? Её откровение подверглось критике, но Аврора, как всегда, с улыбкой отмахнулась. «Не хотите – и не надо». Она вообще была лёгкой и все пропускала мимо ушей. И если и вспоминала что-то обидное, то с иронией. Другой бы от таких нападков был раздавлен, она лишь отвечала: «И я вас тоже люблю».

«Крокодил...» Только один год за все последующее время работы Костик видел Аврору подавленной. В театре культивировалась борьба с эгоизмом – «Оставь все и служи Высшему». Постепенно Костик стал замечать изменения в Авроре: она была задумчивой, слегка опустила голову, и извечная улыбка пропала. Но как же это было на неё не похоже! Он переживал и не знал, как подступиться. Но в один день она произнесла: «Я хочу ребёнка, это эгоизм?» – «Ты что! Это прекрасно! Даже не думай...» Костик убеждал как мог, он не верил своим ушам. Философия театра просочилась так глубоко, что пали самые стойкие. Но Аврора родила и, наконец, распрямила плечи и подняла голову. Озорство и веселье вернулись на свои места, и силы в театре вновь были равны. Иногда равновесие определяет один человек.

Было в этом театре много хорошего, но и губительного. Либо ты слепо верил, либо сопротивлялся. И то и то требовало усилий.

Костик часто спрашивал Аврору, как она играет. Как вообще понимает Режиссера. Она неизменно отвечала – интуитивно. А как-то сказала: " Я делаю на репетициях, как хочет режиссёр, а потом выхожу на спектакле и делаю, как хочу я». За это она частенько подверглась нападкам, но при этом участвовала почти во всех спектаклях и играла великолепно. Ее техника была тонкой, неуловимой. Легкая, она заполняла все пространство своим обаянием. Драматизм и глубина просачивались через улыбку. «Крокодил...»

Был в театре ещё один человек, который менял тональность пространства. Их близкое знакомство произошло спустя полгода хождения по мукам. Костика наконец взяли вторым составом на небольшую роль в старом спектакле. Отрепетировав за три дня при дикой нервозности, он по традиции опоздал на 10 минут на репетицию в день спектакля. Виталий подошёл и сделал выговор, но главное – укорил его: "Вы заставляете всех Вас ждать..." Костик почуял в своем отношении эгоизм и был готов провалиться сквозь землю от стыда. Излюбленное опоздание на 7-10 минут, входившее в привычку годами, теперь казалось крайне неуместным и непривлекательным. Но после спектакля Виталий сердечно извинился за свою несдер-

жанность, а Костик перепугано убеждал, что замечание была высказано по делу. Он очень не хотел, чтобы Виталия мучила вина. В тот момент возникло что-то личное.

Было нечто тёплое в этом пожилом человеке. Уютное. Веяло как от любимого застиранного, растянутого шерстяного свитера или пледа, пропахшего запахами кухни, золотой поздней осенью и все еще нагретым воздухом. Небольшого роста и очень кинематографичной внешности – добрый, вдумчивый, он всегда слегка улыбался. Они сдружились, но нетипичной дружбой, много общения между ними не происходило. Но изредка, то в курилки, то за кулисами, Виталий подсаживался и шутил. В глазах всегда читалось озорство. Любую роль он очеловечивал, придавал ей послевкусие. Как будто в его арсенале было множество оттенков, словно комод специй, собранный со всего мира. И по шепотке он добавлял сочувствие, восторг, понимание, бережно раскрывая внутренний мир героя.

Любовь припасена была для каждой роли. Он купался в ней на сцене и наслаждался игрой. И конечно, это чувствовали и зрители, и партнёры. Его судьба сложилась в театре хорошо, но снимался он на удивление мало. Приехал из дальнего города России за главным Режиссёром. Куда он – туда и Виталий. Преданность и наверняка дружба. Хотя особых разговоров вне репетиций Костик не замечал. Виталий всегда был в хорошем настроении и тот первый разговор был единственным окрашенным негативными эмоциями. На упражнениях по удержанию внимания он, подмигивая, устраивался на полу, а это не запрещалось, и мирно спал, негромко похрапывая. Умудрился уснуть даже за кулисами между выходами на репетиции. И вместо его появления нас осчастливил внушительный храп. Это было превосходно. Стойко выдержать целый день репетиции, когда ты, как в клетке, сидишь за сценой и просто ждешь... Особенно, когда застряли на одном месте и мучают одну реплику по сто раз, а тебе это слушать. Куда лучше сон. Он умел передать юмор одним поворотом головы. Вообще, спектакли с ним приобретали дополнительный смысл.

Все случилось после награждения званием «Народный артист». Виталий, не пивший лет тридцать, исчез. Он не появился на спектакле, а, по слухам пропадал в банях. Его нашли и привели в чувства. Может, конечно, перевирают, но Костик не любил сплетни и расспрашивать не стал. Виталий в миг постарел лет на десять. Его уволили, и это был гром среди ясного неба. Наказать таким образом друга, никак не укладывалось в голове. Что это – воспитательные меры? Режиссёр раскрылся для Кости с темной стороны. Театр пребывал в шоке. Потом, конечно, Виталия позвали на разовые спектакли, но это уже было не то. Его словно исключили, вычеркнули.

Он не помнил подробностей, слишком все было стремительно или казалось таковым. Прошёл слух, что Виталий заболел – рак последней стадии, он сгорел очень быстро. Последнее воспоминание врезалось в сознание. Они вместе были за сценой, и Виталий устало сидел, но предложил разделить стул с Костей, а тот отказался, не хотел стеснять. Как он потом хотел вернуть тот момент! Посидеть рядом, посмотреть в глаза, обнять.

На похороны поехали все кроме Режиссёра, и это был второй удар. Столько лет провели бок о бок! Как такое возможно? Ехали из Москвы автобусом, мало разговаривали. Слишком быстро и слишком неожиданно. Несправедливо. Это был симпатичный небольшой город, погода необычайно прекрасной, солнечной. Прощались в театре, где когда-то работал Виталий.

Воспоминания были скомканы, но он чётко помнил сами похороны. Все разрозненно стояли у могилы и вдалеке слышалась музыка. Что-то знакомое. Оркестр двигался от входа кладбища, провожая кого-то в последний путь. И Костик улыбнулся, почувствовал внутри шевеление. Он узнал её. Эта песня, игравшая в спектакле Виталия. Костик впервые смог поднять голову. Он заметил облегчение на лицах коллег. Режиссёр не приехал, а театр прощается. Он играл в спектакле «Старший сын» Вампилова отца, играл на похоронах и танцах. И то и то ему удавалось превосходно.

«Море»

Перед Машей простиралось бесконечное море, и только звук чаек отвлекал её от собственных мыслей. Нескончаемая череда волн увлекала взор, и не было желания отрываться от этого удивительного зрелища. Чайка и тишина пропали. Она отвлеклась на рядом сидящую пару. Они неспешно вели беседу. О чём они говорили, ей было неинтересно. Их голоса медленно растворились в шипении волн. И Маша вновь продолжила созерцать волны. Она собиралась провести здесь целый день. Но, не найдя укромного местечка, брела вдоль берега, останавливаясь и застывая, глядя на волны. Они словно манили к себе, тихо нашептывая: «Успокойся». И это шептание вынуждало её внутренний диалог замолчать.

Маша запуталась в жизни по всем фронтам: в себе, бесконечном одиночестве, работе. Она больше не понимала, чего хочет. И со стороны всё было хорошо, но что-то внутри ныло. Море мыслей одолевало её голову. Море мыслей – и никакого решения. Она бросила всё и приехала сюда. Забытый богом и цивилизацией посёлок, длинная обветшавшая набережная, когда-то величественная, теперь находилась в запустении. Берег, затянутый водорослями, сломанные перила, ни одной целой лестницы. И, как ни странно, всё это вселяло в неё надежду. Только удручало присутствие людей. Она решила отыскать укромное место или хотя бы камень, на который можно было взобраться и спокойно смотреть на море – в абсолютно свободную даль, от препятствий, борьбы, тяжёлых решений. Ничего, кроме простора. Ничего. Ничего было для неё всем.

Она решила жить здесь по определённому плану. Намеривалась гулять, есть и стараться ничего не делать. Даже поездки в горы её не вдохновляли. Но Маша понимала, что это опустошение временное. И стоит ей отдохнуть, стоит замолчать бесконечной череде мыслей – и вновь захочется свободно дышать и мыслить. Она будет очень рада оказаться здесь, на берегу, с редкими людьми, в этом забытом месте.

День начинался как обычно. Она пила крепко сваренный кофе, ела лёгкий завтрак и шла на набережную. В первый же день исследовала местность. Её интересовали больше бытовые вопросы: где она будет есть, т. к. готовить совсем не хотелось. Где можно купить фруктов и есть ли здесь кинотеатр.

Маша сняла комнату на верхнем этаже белёного дома. Во дворе дома был небольшой фонтан и плетёная беседка. Комната была обставлена скудно, но ей этого было достаточно – в самый раз. Она слышала море, открывая окна, и это всё, что ей было нужно от этой комнаты и от этой поездки. Ничто не должно было нарушать её покой. Она запуталась, и она это понимала. Хотелось остановить вереницу событий, и для этого ей нужно было остановиться самой. Это был не побег. Это был жест доброй воли – к себе и к окружающим. Она не была готова к переменам. Ей нужно было подготовиться и принять всё как есть.

Итак, день начинался с кофе, потом она спускалась в беседку, ела сыр и фрукты и шла к морю. Путь был по центральной аллее, по обе стороны стояли белоснежные домики, балконы были направлены к морю, веранды проседали от зарослей винограда. Солнце, ещё мягкое и не палящее, делало всё вокруг более привлекательным. Дома блестели, крыши отражали лучи, тень причудливо рисовала узоры. И коты. Коты грелись, подставляя пузо, лениво переворачивались и вели правильный образ жизни. Жизнерадостность – ни от какого-то события, просто так, просто потому что утро, день, вечер. И темп – какой же медленный здесь темп! Те редкие люди, встречающиеся на пути к морю, не шли, а плыли. Ей казалось: ещё чуть-чуть – и они медленно начнут растворяться в воздухе, подобно тому, как медленно плавится асфальт под палящим небом.

Горизонт. Великолепный горизонт неизменно ждал её у моря. Она выходила на набережную, устремляла свой взор вдаль и наслаждалась. Делала несколько глубоких вдохов и только потом спускалась по лестнице на песок, подходила к самой воде – и волны, волны вновь захва-

тывали всё её внимание. Здесь стоять можно было бесконечно, до самого заката. Ничего не меняется – это главное в сумасшедше спешащем мире. Волны не меняются: за первой придёт вторая, а там и третья, четвёртая. Надёжность в этом мире есть, и она – в нескончаемом движении волн. Что бы ни произошло, в чём бы она ни усомнилась – волны поддержат. Они словно говорят: «Постой, не торопись, будет ещё шанс, всегда следом будет ещё волна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.